

УДК 321.351.12 (470.67)

НЕКРАСОВСКИЕ АРХЕТИПЫ, МИФЫ И СИМВОЛЫ В КАВКАЗСКОЙ ПОЭЗИИ XIX–XX ВЕКОВ

И. А. Гасанов

Кизлярский район Республики Дагестан
Большеарешевская средняя общеобразовательная школа

Предметом исследования в статье является проблема воздействия символики, архетипов и мифологии творчества Н.А. Некрасова на кавказскую поэзию XIX–XX веков. Отмечается, что некрасовский архетип матери, символика тьмы, ворона, дороги нашли отклик в кавказской литературе. Устанавливаются некоторые аспекты интертекстуальных связей некрасовских текстов с кавказскими. Особое внимание обращено на творческое освоение кавказскими поэтами некрасовской художественной методологии изображения как социальных, так и экзистенциальных проблем.

Ключевые слова: *символ, архетип, мифологема, тьма, ворон, интертекстуальный, влияние.*

В современной литературоведческой и философской литературе вопросы использования поэтами, писателями архетипов, мифологических мотивов и символики занимают важное место. Учёные стараются по-новому осмыслить уже ставшие привычными классические литературные явления и стандартные подходы. Нужно подчеркнуть, что многие исследователи, анализирующие проблемы использования символов, архетипов и мифологии в художественной литературе, считают необходимым начинать с истории вопроса (что такое архетип, символ, миф), что свидетельствует о сложности проблемы и о том, что однозначных интерпретаций понятий «литературный архетип», «символ», «мифологема» не может быть. В нашей работе мы придерживаемся концепций К.Г. Юнга, Е.М. Мелетинского, а собственно литературного архетипа – концепции А.Ю. Большаковой.

Целью нашей статьи является анализ степени воздействия мифологии, символов и архетипов в творчестве Некрасова на лирику кавказских поэтов XIX–XX веков.

Прежде чем исследовать вопрос, уточним, что такое литературный архетип. Соглашаясь с К. Юнгом, что архетип является базовой моделью, праобразом, проявлением коллективного бессознательного, А.Ю. Большакова полагает, что литературный архетип – «одна из форм проявления культурного бессознательного. Выявление архетипов в литературе, безусловно, представляет ряд сложностей. Начав с того, что всякое их появление и проявление предполагает наличие двуединого “генетического” кода, складывающегося через взаимодействие закреплённых в национальном менталитете образцов мировосприятия, праобразов былого, давно ушедшего и сохранившегося в настоящем в качестве “отпечатков”, “следов”, и соответствующих им художественных образов, моделей, образцов» [1, с. 11].

В творчестве Некрасова отразились многие архетипические мотивы, мифологические и символические представления. Они маркированы и национальной спецификой. Архетипические символы проявляются у Некрасова в стихотворении

«Железная дорога» (царь-голод), есть образ Великой Матери (в нескольких стихотворениях и поэмах), орнитологические архетипические символы (Ворон), образы детей, образы-символы Тишины, Мороза, Дороги, архетип «родового гнезда» (стихотворение «Родина») и т. д.

Проблема творческого освоения Некрасовым архетипов, мифологии и символики недостаточно освещена и в некрасоведении, а что касается проблемы влияния некрасовской архетипики, символики и мифологии на кавказскую поэзию, то она вовсе не изучена, поэтому представляется актуальной сама постановка вопроса. Кроме того, изучение этой проблемы позволяет определить новые грани взаимодействия русской и кавказской литератур, способствует новому прочтению и осмыслению текстов и их интерпретации, установлению интертекстуальных связей.

Осмысление Некрасовым архетипов, мифологии и символов (как и у любой творческой личности) происходило как на уровне сознательного использования, так и бессознательного освоения.

В мировой литературе существует устойчивый набор архетипических символов, мифологии, используемый авторами (сознательно и бессознательно). Мы рассматриваем только те архетипические, мифологические мотивы и систему символов поэзии Некрасова, которые репрезентированы в кавказской поэзии.

Один из таких архетипических образов в лирике Некрасова – образ Матери. Некоторые аспекты архетипа Матери у Некрасова соотносятся с её символическим образом в волшебных сказках: она и покровительница, хранительница любви и очага, она же и жертва. Некрасовский образ матери предельно обобщён, несет архетипические черты Великой Матери, реалистические детали почти отсутствуют.

Известный некрасовед Н. Н. Скатов поэтому замечает: «Мать! У Некрасова это действительно такое все, что свело в себе личное и народное, национальное и всемирное, человеческое и божеское. Одно пояснение на совершенно хрестоматийном примере. Так, в поэме “Кому на Руси жить хорошо” не просто создан, как обычно пишут, образ матери (часть “Крестьянка”). Ничего там не понять, если не увидеть материнство, как чувство всеохватное, всепроникающее, людское и природное» [13, с. 5]. Н. Н. Скатов также считает, что в поэме образы матери-волчицы и матери-человека сливаются в один символ.

Образ матери у Некрасова связывается с идеей жертвенности и смирения: «Ты жребий свой несла в молчании рабы» [8, с. 55]. Мотив вечной жертвенности утверждается и Р. Гамзатовым (влияние некрасовских образов на его лирику несомненно) в стихотворении «Мама»: «Святой любви великая раба» [4, с. 5].

Архетип матери, склонившейся над колыбелью, характерен для лирики и Некрасова, и Гамзатова. Необходимо отметить, что архетип матери не подразумевает, по Юнгу, только личную мать, он имеет множество ипостасей. «Это не столько личная мать, от которой исходят все те, описанные в литературе, влияния на детскую психику, а как раз тот архетип, который, проецируясь на мать, придаёт ей некий мифологический фон и вместе с тем наделяет её авторитетом, даже нуминозностью» [15, с. 130].

Среди атрибутов архетипа матери Юнг выделяет и символ сада, а у Некрасова в одном из самых исповедальных произведений «Мать» лик матери мелькает именно в саду. Сад у Некрасова не столько пространство, сколько мифологема, активно поэтом используемая: «Глухая ночь! Иду поспешно в сад... / Ищу её, обнять желаю страстно... / Где ты? прими сыновний мой привет!» [11, с. 253]. В стихотворении «Баюшки-баю» образ матери сопрягается Некрасовым с Матерью Божьей.

Особенно частотны в поэзии Некрасова образы дождя, тумана, тьмы, осени, голода, холода, поэта. Эти лексемы находятся в одном ряду и получают статус символов. Метафорика и символика тьмы, тумана, ночи Некрасова нашли отклик в кавказской поэзии, в частности, в творчестве С. Габиева, И. Иоаннисиана, Т. Туманяна. Эти образы нельзя рассматривать только как аллегорически выраженные социальные явления. Они наполнены глубоким философским содержанием. И. Иоаннисиан: «Ночь нависла как густой туман / Просвета нет во мраке этом чёрном» [12, с. 401]. К символике тьмы часто прибегает и С. Габиев: «Ни зги не видно. Горы и ущелья / Исчезли под покровом темноты» [3, с. 147]. О. Туманян: «О, эти ущелья, укрытые тьмой...» [12, с. 409]. Несомненно, поэты имеют в виду в первую очередь духовную тьму, отсутствие свободы, пейзажный код интерпретации здесь как раз уместен. Образы-символы тумана, тьмы, ночи – это системные звенья некрасовской онтологии, обладающие глубинным философским смыслом.

А.Ф. Лосев считает, что в «Железной дороге» поэтом использованы мифические представления и символы. «Здесь символ, несомненно, достигает у Некрасова уже степени мифа. Разговаривающие и агитирующие покойники – это уже миф» [5, с. 177]. Далее следует любопытное замечание: «При этом здесь интереснее всего то, что сам-то Некрасов едва ли верит в эти мифы в буквальном смысле слова» [Там же].

Многие некрасовские образы (образы детей, тишины, дороги, мороза, матери, образ русской женщины и т. д.) обладают большой художественной силой и глубиной и несут дополнительные универсальные смыслы. Сила некрасовской поэзии в том и заключается, что поэт за простыми явлениями эмпирической действительности умеет постигать некие трансцендентные смыслы, превращающие его художественные образы в символы. Философ В.В. Бычков замечает: «Символ как глубинное завершение (совершенство образа, его художественно-эстетическое (невербализуемое!) содержание свидетельствует о высокой значимости (ценности произведения), высоком таланте или гениальности создавшего его мастера» [2, с. 90].

У Некрасова проблема смерти всегда вызывала острый интерес (об этом писал ещё К. Чуковский). Некрасов постоянно испытывал странное тяготение к символике тьмы и небытия и их неизменному танатологическому персонажу – ворону, который является постоянным героем множества некрасовских текстов. Ворон как архетипический символ человеческих несчастий и трагичности самого существования всё время противопоставлен в лирике Некрасова светлому началу, и дисгармоничный инфернальный голос ворона возвещает о разрушении и смерти.

В мифологии многих народов ворон – птица зла. «Как трупная птица чёрного цвета с зловещим криком ворон хтоничен, демоничен, связан с царством мёртвых и со смертью» [7, с. 245]. Ворон упомянут ещё в эпосе о Гильгамеше и противопоставлен голубю как символу добра. Некрасовский образ ворона постоянно вписан в пейзаж, а пейзаж у Некрасова социален, в нём обязательно отражаются людские проблемы. В стихотворении «Утро» драматизм жизни передаётся через образы тумана, сырости, мутного неба и – галок, которые воспринимаются как символы человеческой трагедии. А.П. Чудаков замечает: «Эти детали встраиваются в общую унылую картину, усиливая тоску. А если таких деталей нет, то они подразумеваются, они – неперемнная подоснова любого российского пейзажа» [14, с. 15].

В дагестанском фольклоре ворон несёт двоякую функцию: с одной стороны, он выступает как культурный герой – пытается помочь попавшему в беду человеку (баллада «Али, оставленный в ущелье»), с другой – как медиатор между жизнью и смертью, символ несчастий. В стихотворении С. Габиева «Цель» ворон выступает

в качестве символа тьмы и несвободы: «Говорят, что над нами / Чёрный каркает ворон. / Что покрылись туманом / Наши нивы и горы» [3, с. 149]. У С. Габиева, как и у Некрасова, ворон сопрягается непременно с туманом, ночью, несущими архетипические функции. Образ ворона у С. Габиева даже не столько символизирует бесправие и невежество народа (хотя это тоже есть), сколько метафизическую тьму, экзистенциальную ипостась зла.

В стихотворении «Пожарище», чтобы показать людское горе (сгорело село), Некрасов прибегает к своему излюбленному художественному приёму – пейзажной увертюре, где правит бал и ворон с его зловещими криками: «Каждое дерево ветви повесило, / Каркает ворон над белой равниною, / Нищий в деревне за дровни цепляется» [9, с. 160].

Хотя цветовая символика нехарактерна для Некрасова, однако в стихотворении «Возвращение» поэт прибегает к ней, чтобы передать своё душевное состояние: «И чёрных птиц за мной летела стая» [8, с. 187]. В стихотворении «В деревне» целых 29 строк посвящены детальному описанию ворон. Поражает динамика и монтажный локус картины и привычное «Глупое карканье, дикие стоны»; «Выясняется однако же смысл карканья: / Выдался нынче денёк несчастливый» [8, с. 127]. Вполне логична и попытка Некрасова создать национальную балладу «Ворон», в которой архетипическая птица выступает предвестником смерти. В пространстве социальных и экзистенциальных катастроф в лирике Некрасова неизменно атрибутом выступает ворон.

У Некрасова образ-символ ворона часто сопрягается с дождём, ненастьем, с тёмным цветом, налицо цветовая символика: так, в стихотворении «В деревне» дважды повторяется эпитет «чёрная» (туча, сетка), несущий негативную информацию. Лексический ряд в стихотворении «В деревне» наполнен знаком смерти: «умер», «саван», «царство небесное», «плач».

Даже в таком светлом стихотворении, как «Крестьянские дети» с его жизнеутверждающим началом, появляется у Некрасова ворон, резко дисгармонирующий с образами «голубки воркующей» и грачей, при этом ворона автор наделил эпитетом «какая-то другая птица», меняя тональность и создавая классическую архетипическую оппозицию «голубь – ворон».

О власти архетипа над сознанием поэта говорит то, что он до самой смерти не может избавиться от навязчивого символа ворона, и только в 1876 г. (то есть за год до смерти) совершает архетипическое символическое действие – убивает ворона («Как празднуют трусу»): «Метко прицелился. Выстрел гремит: / Падает замертво птица угрюмая» [10, с. 173].

В некрасовском поэтическом локусе символ дороги занимает важное место, он способствовал созданию образа-символа дороги у Р. Гамзатова в поэме «Горянка», которая во многом перекликается с некрасовским символом. Интертекстуальные связи «Горянки» Гамзатова и «Тройки» Некрасова обнаруживаются в трансформации мотивов пути-дороги и женской доли. Как некрасовской героине из стихотворения «Тройка», героине гамзатовской поэмы «Горянка» предстоит символический выбор – жизненный тупик или выход за пределы консервативных традиций: «Пойдёшь ли заманчиво торной, / Шлифованной тысячами ног, / Или схожей, с дорогой горной, / Одной из нелёгких дорог?» [4, с. 63].

Диалогическое взаимодействие текста Гамзатова с некрасовским происходит на двух уровнях – лингвопоэтическом (дорога) и экзистенциальном (героиням предстоит выбрать символический путь в жизнь), ср. замечание А.В. Марунова:

«Символ как стилевой приём в поэзии Некрасова отражает центральную проблему лирического героя – выбор жизненной позиции и проектирование своей социальной роли в существующей общественной системе» [6, с. 238].

По некрасовской художественной модели строится и стихотворение грузинского поэта В. Пшавелы «По ущелью тянутся туманы». Лексемы «туман», «мрак» несут в тексте глубинный метафизический смысл, воспринимаются как символы. Интертекстуальный диалог с некрасовскими текстами ведётся и на лексико-семантическом, и на экзистенциальном уровне, образам мрака, тумана сопутствует и образ-символ ворона, и хотя у Пшавелы ворон несёт культурную функцию (объект обращения лирического героя с просьбой соучастия в его попытках), суть от этого не меняется: ворон появляется, когда человек находится в пограничной ситуации.

Таким образом, кавказская поэзия XIX–XX веков испытала сильное влияние некрасовских традиций, в том числе некрасовской манере изображения действительности через архетипы, символику и мифологические мотивы. Аналитическая интерпретация рассматриваемых нами текстов позволяет говорить о многоуровневых интертекстуальных связях кавказских текстов с некрасовскими. Некрасовские образы-символы служат для кавказских поэтов XIX–XX веков средством углублённого изображения действительности, отображения как социальных, так и этических, философских проблем.

Список литературы

1. Большакова А. Ю. Архетип, миф и память литературы // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира / Астраханский гос. ун-т. Астрахань, 2010. С. 7–14.
2. Бычков В. В. Символизация в искусстве как эстетический принцип // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 81–91.
3. Габиев С. Стихи // Поэзия Дагестана: Антология. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971. 363 с.
4. Гамзатов Р. Две шали. М.: Сов. Россия, 1971. 366 с.
5. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. 320 с.
6. Марунов А. В. Символ как элемент художественной системы в поэзии Н. А. Некрасова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А. В. Марунов; Новокузнецкий филиал-институт Московского совр. гум. ун-та. Новокузнецк, 2000. 251 с.
7. Мифы народов мира: В 2 т. Т. 1. М.: Большая Рос. Энциклопедия. М.: Олимп, 1998. 672 с.
8. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 1. Л.: Наука, 1981. 720 с.
9. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 2. Л.: Наука, 1981. 486 с.
10. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 3. Л.: Наука, 1981. 511 с.
11. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 4. Л.: Наука, 1981. 655 с.
12. Поэзия народов СССР. XIX – начало XX века. М.: Худож. лит., 1977. 831 с.
13. Скатов Н. Н. Перечитывая Некрасова // Некрасовский сборник. Вып. 11–12. СПб.: Наука, 1998. С. 3–7.
14. Чудаков А. П. Слово и предмет в стихе Некрасова // Некрасовский сборник. Вып. 11–12. СПб.: Наука, 1998. С. 8–23.
15. Юнг К. Г. Бог и бессознательное. М.: Олимп; АСТ-ЛТД, 1998. 480 с.

**NEKRASOV'S ARCHETYPES, MYTHS AND SYMBOLS
IN THE CAUCASIAN POETRY XIX–XX**

I. A. Gasanov

Kizlyar district of the Republic of Dagestan
Bolsheareshevskaya secondary school

The subject of the article is the problem of the influence of N.A. Nekrasov's symbolism, archetypes and mythology on the Caucasian poetry of the 19th–20th centuries. It is noted that Nekrasov's archetype of the mother, as well as the symbolism of darkness, the raven, and the road found a response in the Caucasian literature. Some aspects of the intertextual links of Nekrasov's texts with those written in the Caucasus are identified. Particular attention is paid to the way the poets from the Caucasus assimilated Nekrasov's creative methodology in the depiction of both social and existential problems.

Keywords: *symbol, archetype, mythology, darkness, raven, intertextual, influence.*

Об авторе:

ГАСАНОВ Ибрагим Абакарович – кандидат филологических наук, преподаватель русского языка и литературы Большеарешевской средней школы Кизлярского района Республики Дагестан (368807, Республика Дагестан, Кизлярский район, село Большая Арешевка, ул. Молодёжная, 18), e-mail: ardgyna.gasanoff@yandex.ru.

About the author:

GASANOV Ibragim Abakarovich – Candidate of Philology, Teacher of Russian Language and Literature at the Bolsheareshevskaya Secondary School of the Kizlyar District of the Republic of Dagestan (368807, Republic of Dagestan, Kizlyar district, Bolshaya Areshevka village, Molodezhnaya street, 18), e-mail: ardgyna.gasanoff@yandex.ru.